УДК 947.083.7

В. Е. Кельнер

Политическое бюро при еврейских депутатах IV Государственной Думы в годы войны 1914–1917 гг.

Если рабов гонят в бой наравне
с гражданами, то они должны громко заявить,
что они сражаются только в надежде
на завоевание для себя равенства и свободы.
С. М. Дубнов

Патриотический подъем, охвативший Россию в начале Первой мировой войны, не оставил в стороне и российское еврейство. Мобилизация среди еврейского населения прошла практически без недобора; процент евреев в армии во время войны был выше, чем в составе населения России в целом: в 1914 г. в армии насчитывалось 400 тыс. евреев, к концу 1916 г. их число возросло до 500 тыс.[1]

В этот период в IV Государственной Думе работали 3 депутата, представлявших еврейское население Российской империи (Н. М. Фридман, М. Б. Бомаш и И. Б. Гуревич).

Из них наиболее подготовленным для думской работы считался, в силу своего юридического образования, Н. М. Фридман[2]. Он уже избирался в пре-

[1] *Яшунский И.* Российское еврейство и мировая война / Публ. В. Кельнера. М., 1999; *Будницкий О. В.* Евреи в русской армии в период Первой мировой войны // Deinst in der Höhle des Löwen: Juden in der russischen Armee // Osteuropa. 2014. Vol. 64. N 2–4. P. 171–184; *Altshuler M.* Russia and Her Jews: The Impact of the 1914 War // Wiener Library Bulletin. 1973–1974. N 27/30–31. С. 12–16.

[2] *Фрумкин Я. Г.* Из истории русского еврейства (Воспоминания, материалы, документы) //

дыдущую Думу, где примыкал к фракции партии кадетов. В эту же фракцию входили и два других депутата. Ключевую роль в работе с депутатами играл один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК, руководитель Еврейской народной группы, в прошлом депутат I Государственной Думы М. М. Винавер[3]. Он не только стремился формировать и направлять деятельность депутатов-евреев, но и одновременно оказывал влияние на выработку решений по еврейскому вопросу в самой кадетской партии.

Война для представителей российского еврейства в Думе началась с патриотического выступления Н. М. Фридмана. 26 июля (7 августа) 1914 г. в специальной декларации он заявил: «На меня выпала высокая честь выразить те чувства, которые в настоящий исторический момент воодушевляют еврейский народ. В великом порыве, поднявшем все племена и народы России, евреи выступают на поле брани плечом к плечу со всеми народами ее. В исключительно тяжелых правовых условиях жили и живем мы, евреи, и, тем не менее, мы всегда чувствовали себя гражданами России, всегда были верными сынами своего отечества, и никакие силы не отторгнут нас от нашей родины России, от земли, с которой мы связаны вековыми узами, и в защиту нашей родины мы выступаем не только по долгу совести, но и по чувству глубокой привязанности. В настоящий час испытания, следуя раздавшемуся с высоты Престола призыву, мы, русские евреи, как один человек, станем под русскими знаменами и положим все свои силы на отражение врага. Еврейский народ исполнит свой долг до конца»[4].

Еврейская общественность с первых дней войны стала ставить вопрос о юридическом положении еврейского народа в России. Коренной проблемой для российского еврейства оставалось существование черты оседлости и многочисленные запреты, вплоть до пресловутой процентной нормы, препятствующей поступлению еврейской молодежи в учебные заведения[5]. Буквально с первых дней войны это положение широко обсуждалось как еврейской, так и русской общественностью[6]. В начале войны историк и политик С. М. Дубнов считал, что победа России

Книга о русском еврействе от 1860-х гг. до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960. (Перепеч.: Минск, 2002). С. 88.

[3] М. М. Винавер и русская общественность начала XX века. Сб. ст. и воспоминаний. Париж, 1937.

[4] Из недавнего прошлого. Речи еврейских депутатов в Государственной Думе за годы войны / Вступ. ст. А. Д. Идельсона. Пг., 1917. С. 3. В этой речи видна «рука» М. М. Винавера. Во всех своих прежних выступлениях еще начиная с I Думы он всегда обращался с напоминанием о многовековой истории еврейства на территории России.

[5] *Иванов А. В.* Еврейское студенчество в Российской Империи в начале XX в. Каким оно было? М., 2007.

[6] Литератор Р. М. Хин-Гольдовская записала в те дни в дневнике: «Иди умирать за святую Русь, за царя-батюшку, за торжество славянской идеи — это твой долг, а гетто, процентная норма в течение всего жизненного пути, “жеребьевка” детей и юношей перед наглухо закрытыми дверьми школ — это твое право». Каких-либо послаблений евреям по случаю войны власти делать не намеревались. «Всё это неприличие, — записывает Хин-Гольдовская, — значительно охлаждает мой национализм» (*Хин-Гольдовская Р. М.*

над Германией, этим, как писал он, «пауком милитаризма», в союзе с демократическими странами, может привести к тому, что «атмосфера очистится в стране политической инквизиции». Однако он не разделял «безусловного патриотизма» многих представителей еврейского общества. Дубнов заявлял: «Если рабов гонят в бой наравне с гражданами, то они должны громко заявить, что они сражаются только в надежде на завоевание для себя равенства и свободы»[7].

Формирование еврейской политики в Думе взял на себя полулегальный совещательный орган — Политическое бюро[8]. В его составе были представители еврейских политических партий и групп несоциалистического направления. М. М. Винавер председательствовал практически на всех заседаниях бюро. Среди активных участников этого объединения наиболее ярко проявляли себя члены Еврейской народной группы Г. Б. Слиозберг, С. В. Познер и Л. Я. Штернберг, идеолог автономизма, лидер Фолкспартей Дубнов, члены ЦК сионистского движения в России И. А. Розов, М. С. Алейников и И. Гринбаум. Еврейскую демократическую группу представляли в бюро бывший депутат Думы Л. М. Брамсон[9], А. И. Браудо и Я. Г. Френкель. Председателем бюро избрали бывшего депутата I Государственной Думы юриста М. И. Шефтеля[10]. Деятельно работали в нем члены различных еврейских групп и направлений, публицисты, юристы и общественные деятели: М. Л. Тривус, И. А. Клейнман, И. М. Бикерман, Я. Л. Сакер, М. М. Гран, А. Ф. Перельман, С. Е. Калманович[11]. Как правило, совещания, обычно проходившие на частных квартирах, бывали многолюдны. Бюро обладало значительным политическим активом. Пожалуй, не было в Пет-

Из дневников 1913–1917 / Предисл. и публ. Е. Б. Коркиной; прим. А. И. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1997. Т. 21. С. 541–542, 544. Записи от 7 и 23 августа 1914 г.).

[7] *Дубнов С. М.* Книга жизни: Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. Иерусалим–М., 2004. С. 365.

[8] Собственно говоря, некая совещательная структура существовала еще примерно с 1912 г. при евреях-депутатах III Государственной Думы. Она была создана не столько им в помощь, сколько с целью осуществления общественного контроля над их деятельностью. В новых условиях ее деятельность и структура были полностью преобразованы.

[9] Л. М. Брамсона можно считать единственным представителем социалистического направления в Политическом бюро. Некогда в I Государственной Думе он входил в трудовую фракцию. В дальнейшем он по-прежнему поддерживал близкие контакты с фракцией трудовиков и особенно с ее фактическим руководителем А. Ф. Керенским.

[10] Мне думается, что выдвижение на роль председателя петроградского адвоката, бывшего некогда депутатом I Государственной Думы кадета М. И. Шефтеля было сделано специально. Его кандидатура рассматривалась в качестве нейтральной фигуры, способной объединить политиков разных направлений. В узком, раздираемом противоречиями еврейском политическом кругу того времени М. М. Винавер слишком раздражал многих политиков. Он всегда слыл прямым проводников тактики партии кадетов в еврейском национальном движении.

[11] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИАСПб). Ф. 2129. (Еврейское историко-этнографическое общество). № 68. Материалы совещания еврейских общественных деятелей в Петрограде. 1914–1916 гг.

рограде ни одного значимого еврейского общественного или политического деятеля, который не принимал бы участие в работе бюро или не содействовал бы ему. Даже демонстративно стоявшие «в стороне» социалисты всё же весьма интересовались их работой[12]. Практически все члены бюро были тесно связаны с основными легальными еврейскими общественными организациями того времени: Обществом просвещения среди евреев в России (ОПЕ), Еврейским комитетом помощи жертвам войны (ЕКОПО), Обществом развития ремесленного труда среди евреев (ОРТ), Еврейским колонизационным обществом (ЕКО)[13].

Уже в самом начале войны структура Политического бюро была дополнена Информационным бюро. На него возложили задачи по сбору и анализу материалов о политическом и экономическом положении еврейского населения. Основным источником информации являлась сеть еврейских общественных объединений, разбросанных по всей стране. В то же время, пользуясь своими профессиональными, общественными и личными связями, члены Информационного бюро получали важнейшие сведения и о правительственных мероприятиях, направленных на изменение политики по отношению к евреям, о дебатах по этому вопросу среди членов правительства. Большую роль играло проведение мониторинга печати, особенно газет и агитационной литературы и даже анализ закрытых приказов военного министерства, вплоть до армейских штабных документов. Возглавил Информационное бюро С. В. Познер, юрист, историк и издатель, давно уже близко стоявший к М. М. Винаверу и не раз в прошлом выполнявший его поручения[14].

Член Политического бюро Я. Г. Фрумкин был убежден в том, что власти знали о деятельности бюро. Правда, как вспоминал он, «разрешение на их существование никогда не было дано и никогда не испрашивалось. Деятельность

[12] *Канторович В. А.* Бунд накануне Февральской революции // Еврейская Летопись. Сб. 2. Пг., 1924. С. 40. С присущим для социалистов сарказмом по отношению к «буржуазным затеям» Канторович писал: «В центре борьбы за равноправие евреев стояли на виду всего еврейства депутаты Государственной Думы — евреи. При них или с их участием действовало политическое бюро — орган, где представлены были различные еврейские группировки, кроме социалистов, и просто на правах советчиков фигурировали традиционные еврейские деятели, импонировавшие разными достоинствами: кто своим положением, кто связями и богатством, а кто только фамильными предками. Это бюро преимущественно занималось тем, что “влияло” на либерально-демократические круги русского общества в духе реабилитации еврейства. Попутно в этом же направлении оказывалось влияние на общественное мнение Европы и Америки... Депутаты-евреи были естественным центром, куда стекались многочисленные жалобы и ходатайства. Но политическая роль этого центра была крайне ничтожна» (Там же. С. 46).

[13] *Zipperstein S. J.* The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First Word War // Studies in Contemporary Jewry: An Annual, IV: The Jews and the European Crisis, 1914–1921. New-York, 1988.

[14] *Познер С.* Страницы прошлого (Из воспоминаний об А. И. Браудо) // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924. Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 79–83; *Кельнер В.* Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй пол. XIX — начале XX в. СПб., 2001. С. 97–114.

Бюро не встречала особых препятствий, так что оно вело, можно сказать, полулегальное существование»[15].

С. В. Познер в своих мемуарах воспроизводил довольно сложную структуру Политического бюро. Он констатировал, что «Бюро представляло собой тесно замкнутую группу лиц, которые, несмотря на всё различие воззрений, в общем, дружно работали, отзываясь на все вопросы политической и общественной жизни. Это был решающий и исполнительный орган, но над ним существовал контроль еврейского общественного мнения, которое получило свое выражение в лице, во-первых, постоянно действующей организации — так называемого Пленума... В его состав входили все активные члены партий, представленных в "Бюро". Созывался он, по меньшей мере, раз в месяц для выслушивания отчетов "Бюро" и, кроме того, для решения вопросов особо важных.

Оба органа — "Бюро" и "Пленум" имели одну канцелярию. Та же канцелярия обслуживала общественные нужды и гг. депутатов. Помещалась она на квартире покойного депутата Н. М. Фридмана. Там же проходили регулярно по вторникам и заседания "Бюро".

Заседания "Бюро" обыкновенно начинались с докладов наших депутатов о ходе заседаний в Государственной Думе с уделением особого внимания вопросам, прямо или косвенно затрагивавшим интересы еврейского населения. Так как депутаты находились в постоянном общении с канцелярией и членами "Бюро", то тут же докладывались материалы, стоявшие в связи с очередным депутатским докладом. Затем шло обсуждение доклада. Следствием его было или указание депутатам определенной линии поведения в возникшем вопросе, или выступление в Государственной Думе с речью, или предъявление запроса. Текст предстоящей речи депутата в Думе подвергался всестороннему обсуждению. Иногда он заранее писался и обсуждался по абзацам. Что касалось запросов, то они всегда заготовлялись заблаговременно кем-нибудь из членов "Бюро", по общему избранию и затем шли на обсуждение в Пленум Бюро»[16].

В свою очередь публицист и издатель А. Ф. Перельман вспоминал, что в годы войны «к этому расширенному совещанию были привлечены, между прочим, Ан-ский[17], Ефройкин, я и С. Л. Цинберг. Собирались у кого-либо из богатых участников совещания — владельца обширной квартиры, где без риска обратить на себя внимание, могли собраться человек 50–60. Совещания

[15] *Фрумкин Я. Г.* Из истории русского еврейства... С. 88.

[16] *Познер С. В.* Борьба за равноправие // М. М. Винавер и русская общественность начала XX в. Сб. ст. Париж, 1937. С. 183–184. А. Ф. Перельман считал, что еще в 1912 г. создание Политического бюро было обусловлено слабой подготовкой избранных в Думу депутатов-евреев. По его словам, они часто вызывали «нарекания со стороны еврейской общественности» (*Перельман А. Ф.* Воспоминания. СПб., 2008. С. 95).

[17] Думается, что знаменитая поездка Ан-ского на театр военных действий в Галицию в 1915 г. была осуществлена не без содействия Политического бюро (*Safran G.* Wandering soul. The Dybbuk's Creator, S. An-sky. Cambridge–London., 2010. P. 254–256).

заканчивались большей частью поздно ночью, но бывало, что они затягивались до зари»[18].

М. М. Винавер стремился формулировать для бюро широкие задачи и неоднократно подчеркивал: «Мы не можем еврейскую политику ставить в положение объекта, над которым производятся эксперименты в Думе»[19]. Он всячески старался придать работе бюро самый широкий политический характер, вывести его на общероссийскую политическую арену, превратить в субъект российской политической жизни.

Работа бюро непосредственно была связана с петроградскими изданиями того периода: журналами «Еврейская жизнь» и «Новый путь». В них с анализом думской деятельности депутатов-евреев и дискуссиями по еврейскому вопросу постоянно выступали члены бюро сионист М. С. Алейников и член Еврейской демократической группы Г. А. Ландау. Особую роль играл и «толстый» литературно-политический журнал «Северные Записки»[20]. В те годы проблемам еврейской жизни в целом и думским дебатам в частности в журнале было посвящено множество статей, авторами которых были сторонники самых разных политических направлений: член ЦК Бунда Д. И. Заславский, народники, входившие в Еврейскую демократическую группу, Г. А. Ландау и Я. С. Сакер, член Партии социалистов-революционеров Н. В. Брюлова-Шаскольская.

С первых месяцев войны перед российским еврейством встали чрезвычайные по сложности задачи. Война затронула судьбы сотен тысяч российских евреев. Первые погромы и выселения евреев из мест, близких к театру военных действий, начались уже в сентябре 1914 г. Военные поражения требовали срочного объяснения, и власти пошли по давно проторенному пути. По мере приближения фронта к местам, населенным евреями, они обвинялись в шпионаже в пользу немецкой армии, в массовом порядке принудительно выселялись вглубь страны[21]. Значительное количество евреев в ходе скоротечных военных судов приговаривалось к смерти. В ход пошла и система заложничества мирного населения[22].

---

[18] *Перельман А. Ф.* Воспоминания... С. 95–99.

[19] ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 20.

[20] Журнал издавала С. И. Чацкина — супруга входившего в бюро Я. Л. Сакера.

[21] Только к маю 1915 г. из Курляндской и Ковенской губерний было выслано около 300 000 евреев (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка) / Публ. и примеч. Р. Ш. Ганелина и др. СПб., 1999). Мне кажется, что это число высланных евреев некорректно, возможно, в него вошло всё количество беженцев, в том числе и из «русской Польши».

[22] *Иоффе Г. З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–96; *Нелипович С.* В поисках внутреннего врага: Депортационная политика России // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918): Материалы научной конференции. М., 1997. Ч. 1. С.59; *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens during World War I. Cambridge: Mass., 2003. P. 121–137, 150–154; Из «черной книги» российского еврейства: Материалы для истории войны 1914–1916 гг. 1914–1915 гг. // Еврейская старина. 1918. Т. X. С. 269.

На плечи российского еврейства легла тяжелая ноша — сотни тысяч беженцев заполонили черту оседлости, а затем неизбежно «выплеснулись» из нее. Эшелоны с беженцами растянулись вплоть до Владивостока. В этих условиях Политическое бюро делало всё возможное для облегчения их положения.

Наибольшей враждебностью по отношению к еврейскому населению отличалось высшее военное командование — главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич. В апреле–мае 1915 г. по приказу высшего военного командования началось массовое выселение евреев из большей части Курляндской и Ковенской губерний. В особенно тяжелом положении оказалось еврейское население Галиции, которая была оккупирована русскими войсками в 1914–1915 гг. Здесь армейское командование считало евреев своими главными врагами: в приказах, расклеенных на улицах галицийских городов, говорилось о «явно враждебном отношении евреев» к русской армии. При этом совершенно не учитывалось то, что вообще-то они были подданными Австро-Венгрии и не могли испытывать к русской оккупационной армии никаких «теплых» чувств. Издевательства над евреями, избиения и даже погромы стали в Галиции обычным явлением. После того как 1 мая 1915 г. австро-венгерские и немецкие войска начали наступление в Галиции, русское командование выслало оттуда огромное число евреев. Их вывозили в товарных вагонах под конвоем[23].

Массовая депортация евреев, вызванный этим экономический хаос, а также реакция на это со стороны российского и мирового еврейства вызывали недовольство и раздражение со стороны многих министров. Министр внутренних дел Н. Б. Щербатов и министр земледелия А. В. Кривошеин прямо обвиняли генерала Н. Н. Янушкевича в том, что он пытается свалить на евреев ответственность за неудачи на фронте и требовали прекратить репрессии. После критики со стороны правительства военное командование было вынуждено отдать приказ о приостановке выселений (10–11 мая 1915 г.)[24].

[23] *Goldin S.* Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. 2000. N 41/1. P. 40–73; *Prusin A. V.* The Russian Military and the Jews in Galicia, 1914–1915 // Military and Society in Russia, 1450–1917 / Eds. Eric Lohr and Marshall Poe. Leiden; Boston, 2002. P. 525–544; *Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. N 60. P. 404–419; *Lohr E.* 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Eds. Jonathan Dekel-Chen, David Gaunt, Natan M. Meir, Israel Bartal. Bloomington, 2011. P. 42–51; *Altshuler M.* Russia and her Jews. The Impact of the 1914 War // The Wiener Library Bulletin. 1973. Vol. 27; N 30/31. P. 14; *Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. Vol. 60. July. P. 404–419; *Лор Э.* Новые документы о российской армии и евреях во времена Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета. 2003. № 8 (26). С. 245–268.

[24] Возмущенный подобным «непониманием», Н. Н. Янушкевич писал Совету министров, что он считает «все принятые в отношении евреев меры весьма слабыми и не остановился бы перед усилением их в более значительной степени». Антисемитизм российского командования проявлялся и в отношении евреев, служивших в армии.

В этих условиях наиболее актуальной задачей для бюро являлась хотя бы частичная отмена черты оседлости и ограничительных статей законодательства. Ведь они делали невозможными нормальную экономическую и социальную жизнь беженцев, оказавшихся во внутренних губерниях страны[25]. По официальным данным, к концу 1916 г. общее число беженцев и выселенцев в России достигло миллиона[26].

Представители еврейской общественности и финансовых кругов не раз встречались с министрами и даже с самими председателями Совета министров 1914–1916 гг.: И. Л. Горемыкиным и Б. В. Штюрмером. В состав этих делегаций всегда включались как депутаты Думы, так и негласно, под видом авторитетных общественных деятелей, представители бюро. Одно из первых таких посещений Председателя Совета министров И. Л. Горемыкина состоялось 12 февраля 1915 г. Спустя несколько дней, 23 февраля два депутата Думы — Н. М. Фридман и М. Е. Бомаш встретились с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, а 14 марта 1915 г. они же были на аудиенции у министра финансов П. Л. Барка. 19 марта 1915 г. с министром внутренних дел встретились эти же депутаты и известный публицист, член Политического бюро И. М. Бикерман. Каждая такая встреча предварялась обсуждением основных ее параметров в Политическом бюро. Лейтмотивом этих встреч было не только информирование членов правительства о подлинной ситуации с еврейским населением прифронтовой полосы и о провокационной антисемитской деятельности высшего военного руководства, но, главное, — они настоятельно просили фактической отмены для беженцев черты оседлости[27].

Массовая депортация населения привела к дезорганизации экономики тыла, финансовым неурядицам и трениям на международной арене. Правительство было вынуждено предпринимать определенные шаги для того, чтобы достойно выйти из создавшегося положения. Соответствующее давление на правительство оказывали не только депутаты, но и связанные с бюро крупные представители финансового мира. Так, министра финансов П. Л. Барка посетили А. Г. Гинцбург, М. А. Варшавский и Б. А. Каминка (Каменка)[28]. В июле 1915 г.

[25] *Ганелин Р. Ш.* Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 41–65.

[26] Studies in Contemporary Jewry: An Annual 4: The Jews and the European Crisis, 1914–1921 / J. Frankel, ed. Bloomington, 1988. P. 6.

[27] Война. Россия. Евреи. Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 г. / Публ., предисл. и комм. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5 (23). С. 265–284.

[28] После одной из таких встреч в 1916 г. тогдашний премьер-министр Б. В. Штюрмер назвал Б. А. Каминку «заядлым евреем» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка) / Публ. и прим. Р. Ш. Ганелина и др. СПб., 1999. С. 351). Вообще-то П. Л. Барк был одним из самых прагматичных членов правительства тех лет. Позднее он вспоминал, как на одном из докладов царю он якобы заявил: «Нам необходимо сосредоточить все наши силы, чтобы

министр внутренних дел Н. Б. Щербатов встретился с представителями еврейского нобилитета: А. Г. Гинцбургом, М. А. Варшавским, Б. А. Каминкой. На этот раз они выступили в качестве руководителей Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО). Наличие в составе этой делегации члена Политического бюро Г. Б. Слиозберга говорит о том, что его коллеги по этой организации по крайней мере были полностью осведомлены о целях и характере визита. Тем более что на нем речь шла о коренной проблеме национальной жизни этого периода — о черте еврейской оседлости. Судьба евреев, эвакуированных из прифронтовой полосы, требовала своего немедленного юридического разрешения. Первоначально Н. Б. Щербатов отказался ставить такой вопрос перед Государственной Думой. Щербатов даже заявил, что Дума никогда не пойдет на такой шаг и правительство потерпит поражение. Однако многоопытный юрист Г. Б. Слиозберг, выяснив, что министр не совсем «владеет материалом», напомнил ему, что юридически Министр внутренних дел в чрезвычайных обстоятельствах может по Высочайшему повелению отдать распоряжение о любых изменениях в законодательстве. Щербатов тут же поручил Слиозбергу подготовить для него подобное обоснование для представления в Совет министров[29].

Под политическим и экономическим давлением, а также внешнеполитическим прессом власти были вынуждены всё же обратить внимание на требования еврейской общественности. В июле–августе 1915 г. в Совете министров произошла дискуссия по еврейскому вопросу. Большинство министров «с душевным прискорбием» высказалось за то, чтобы отменить целый ряд антиеврейских законов, приостановить массовые выселения и принять меры по регламентированию еврейской экономической жизни вне черты оседлости. Вину за этот вынужденный «отказ от принципов» они возложили на армейское командование. Министр внутренних дел Н. Б. Щербатов даже заявил: «Нечего сказать, в достойное положение поставлена государственная власть господами Янушкевичами... Нож приставлен к горлу и ничего не поделаешь. Как Министр Внутренних Дел по соображениям внутренним, так Министр Финансов по соображениям финансовым приходят к одному и тому же заключению: неотложно необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу. И чем скорее он будет проведен, тем лучше. Если мы не выступим в данную минуту, то может быть через короткое время нам придется давать то же и даже больше при менее для нас выгодной обстановке... Нас пока еще вежливо просят, и мы можем ставить условия». На одном из заседаний Совета министров, где обсуждался вопрос о допуске евреев-беженцев во внутренние губернии России, министр иностранных дел С. Д. Сазонов указал, что союзники России по Антанте недовольны преследованиями евреев, о которых много говорит немецкая пропаганда, а министр

воевать с Германией, и, по моему убеждению, мы не можем и не должны одновременно воевать и с Германией, и с еврейством» (*Барк П. Л.* Воспоминания // Возрождение. Париж, 1965. Т. 172. С. 93).

[29] *Слиозберг Г. Б.* Дела минувших дней. Париж, 1934. Т. 3. С. 338–339.

финансов П. Л. Барк сообщил: «Всеобщее возмущение по поводу отношения к еврейству» приводит к «трудностям с размещением государственных бумаг». В итоге было решено, что «необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу»[30]. Один из наиболее умных и дальновидных министров того правительства, А. В. Кривошеин предупредил правительство, сказав: «Нельзя сразу вести войну с Германией и евреями. Надо разделить эти войны»[31].

15 августа 1915 г. был издан циркуляр Н. Б. Щербатова, разрешавший «евреям жить в городских поселениях, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств Императорского Двора и Военного». Этот документ во многом опирался на юридическое обоснование, разработанное членом бюро Г. Б. Слиозбергом. Запрет на проживание евреев сохранился лишь в Москве, Петрограде, областях Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, а также на курортах Крыма, где отдыхала царская семья. Немногим ранее, 10 августа 1915 г. было опубликовано постановление Совета министров, разрешавшее евреям — участникам войны и их детям поступать в средние и высшие учебные заведения «вне конкурса и не считаясь с существующими ограничениями»[32].

С. М. Дубнов, характеризуя этот указ, писал: «Это не обновление, а лишь обновка, брошенная ограбленному, с которого сорвали последнюю рубашку... Сознание того, что народ доведен был до такой нужды, что его выпустили из тюрьмы только в момент пожара и после долгих отчаянных криков о помощи, — это сознание совершенно не совместимо с чувством нравственного удовлетворения»[33].

Важнейшим направлением в работе бюро было постоянное будирование международного общественного мнения в странах-союзницах. И раньше еврейский вопрос неоднократно поднимался в отношениях с Францией, Великобританией и США. Россия постоянно нуждалась в финансовых вливаниях. На протяжении последних десятилетий еврейский вопрос стал фактором международных отношений. После волны погромов начала XX в. в многочисленных

[30] Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVIII: Протоколы заседаний Совета министров. С. 5–136; Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... Выступая по этому же поводу, министр финансов П. Л. Барк сказал: «К сожалению, нам приходится руководствоваться не чувствами, а велениями чрезвычайно острого момента. Не мы создали этот момент, а те, кого мы давно уже тщетно просили воздержаться от возбуждения еврейского вопроса казацкими нагайками. Но расплачиваться за эти нагайки приходится нам, ибо денег на войну требуют от правительства. Достать же мы их не можем, так как они находятся в руках того племени, которое предается генералом Янушкевичем недопустимым ни в одном цивилизованном государстве насилиям и надругательствам» (Там же).

[31] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С. 211.

[32] *Гольденвейзер А. А.* Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х гг. до 1917 г. Нью-Йорк, 1960. (Перепеч: Минск, 2002). С. 140–141.

[33] *Дубнов С. М.* Уступки // Еврейская неделя. 1915. № 14. С. 4. См. также: Русская печать и общество об отмене черты еврейской оседлости. М., 1915.

переговорах между европейскими странами расширение прав российского еврейства превратилось в действенное орудие, в предмет торга[34]. Бюро имело прямые контакты с общественностью Великобритании, Франции и США. В большей или меньшей степени часть общественного мнения в этих странах была настроена против политики русского самодержавия в отношении еврейского населения. Членами Бюро были установлены непосредственные контакты с некоторыми политическими деятелями на Западе и с руководством ряда ведущих периодических изданий в США, во Франции и в Великобритании. Важнейшую роль в этом деле играл А. И. Браудо, имевший еще с начала века постоянные связи с руководителями еврейских общин в странах Европы и в США[35]. Член Бюро Г. Б. Слиозберг в октябре 1916 г. опубликовал в США в газете *New York Times* статью о положении евреев и их участии в войне[36]. В ней он описал положение еврейского населения в России, сложившееся за период войны. Статья была целиком основана на информации, собранной Политическим бюро.

Положение еврейского населения не оставило равнодушной и часть российской интеллигенции. Активно собирались подписи под протестом против репрессий в отношении еврейского населения. Группа либерально настроенных литераторов и общественных деятелей объединилась в «Русское общество изучения еврейской жизни»[37]. Инициаторами его создания выступили М. Горький, Л. Андреев и Ф. Сологуб[38].

---

[34] *Журавлева В. И.* Понимание России в США: Образы и мифы: 1881–1914. М., 2012; *Эстрайх Г.* За немцев или за русских? Нью-Йоркский «Форверст» в Первую мировую войну // Архив еврейской истории / Глав. ред. О. В. Будницкий. М., 2011. Т. 6. С. 123–137; *Neilson K.* Strategy and Supply. The Anglo-Russian Alliance, 1914–1917. L., 1984; *Johnson S.* Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europeans Jewish Question. London, 2013.

[35] *Мовшович Д. А.* И. Браудо и последние этапы борьбы за эмансипацию евреев в России // Александр Исаевич Браудо (1864–1924): Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 103–108. В тот момент Д. Мовшович находился в Стокгольме и к нему сходились все международные связи Политического бюро. Позднее он стал личным консультантом одного из лидеров британского еврейства, публициста и дипломата Л. Вольфа.

[36] *Sliozberg G.* Russian Jews hope for Allied victory // The New York Times. 1916. Oct. 16. P. 8.

[37] В мае 1915 г. М. Горький писал литератору С. И. Малышеву: «Вы не можете себе представить, что теперь делают с еврейским населением Польши! Уже выслано до полумиллиона, высылали по 15–20 тысяч — всё еврейское население города — в 24 часа! Говорят, что массовое обвинение евреев в измене, предательстве вызвано желанием объяснить наши военные неудачи... Я думаю — иначе: антисемитизм пропагандируется... — в целях разбить оппозицию на еврейском вопросе. Пропаганда ведется успешно. Жить — стыдно!» (Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 927).

[38] *Кельнер В. Е.* Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 66–92. В то же время далеко не все видные общественные деятели, принадлежавшие к либеральной и демократической оппозиции, подписали письмо с протестом против массовых выселений евреев из прифронтовой полосы и огульных обвинений в шпионаже в пользу противника. Среди тех, кто воздержался от подписания этого письма, были, например, видный кадет член II–IV Государственной Думы, московский городской голова М. В. Челноков,

Одно заседание Политического бюро следовало за другим, вырабатывались резолюции и протесты, конструировались планы по работе с правительственными чиновниками и русской общественностью. На заседаниях бюро С. М. Дубнов постоянно настаивал на том, чтобы в этой деятельности за повседневными заботами не забывали о глобальной цели — добиться от властей реальных мер по ликвидации всего репрессивного антиеврейского законодательства[39]. В то же время именно он являлся самым последовательным критиком работы бюро. С его точки зрения, все эти многочисленные совещания «носили эфемерный характер». Еврейские лидеры, по его мнению, оказались неспособны на решительные шаги. Дубнов в довольно резкой манере писал об этом в статье «Скорая помощь и день грядущий»: «С самого начала войны душит нас это безгласие, отсутствие определенных общественных заявлений, возможных в известных границах даже при нынешних условиях. Не было в свое время сказано нужное слово, которое бы осмыслило для народа его шествие по скорбному пути, а теперь из души уже рвется крик нестерпимой боли. Всё более жгучей становится потребность поставить вопрос, хотя бы без надежды услышать ответ: “Что ждет нас в конце пути, орошенного нашей кровью? Прежняя ли рабская доля, с которой отныне уже не примирится народная совесть, или жизнь равноправных граждан на земле, в защиту которой еврейство выдвинуло армию в сотни тысяч”? Повторяю, мало надежды услышать успокоительный ответ извне, среди ужасной действительности, ничего доброго не предвещающей. Но нравственно важно, чтобы истерзанная нация поставила этот вопрос во всей его силе и дала на него ответ, равносильный обету: “Пора покончить с постыдным рабством евреев”»[40]. Особенно его возмутило заявление известного адвоката, также члена бюро О. О. Грузенберга: «Если бы надо было формулировать отношение евреев к войне, я сказал бы: евреи сейчас думают не о своих правах, а только о своих обязанностях в отношении своей великой родины»[41]. Дубнов выступил против распространенной точки зрения о том, что военное время не тот момент, когда следует предъявлять какие-либо

философ Е. Н. Трубецкой. Последний на предложение подписать это воззвание ответил: «Я могу подписать эту бумагу, если будет прибавлено, что для “них” должно сохранить черту оседлости за 50 верст от пограничной полосы» *(Хин-Гольдовская Р. М.* Из дневников 1913–1917 / Пред. и публ. Е. Б. Коркиной; прим. А. И. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. Т. 21. М.; СПб., 1997. С. 554, 5 марта 1915). По разным причинам не подписали и ведущие деятели партии кадетов, депутаты Думы Ф. Ф. Кокошкин и В. А. Маклаков (*Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми. М., 2005. С. 345).

[39] Еще в начале работы бюро Дубнов, сокрушаясь по поводу того, что ему пришлось оторваться от занятий наукой, записал в дневнике: «Предстоит волнующая работа; полуночные заседания, бесконечные прения, неосуществленные решения — работа нужная, но массою бесплодно потраченных сил» (*Дубнов С. М.* Книга Жизни... С. 368).

[40] *Дубнов С. М.* Скорая помощь и день грядущий // Еврейская неделя. 1915. № 4. С. 4.

[41] Цит. по: *Кельнер В. Е.* «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. СПб., 2008. С. 461.

требования о равноправии. Наоборот, он расценивал выступления с требованиями равноправия как акт по «защите народной чести»: «Если молчание общества может быть оправдываемо там, где невозможно при нынешних условиях защищать наши общенародные интересы, то нет оправдания тому молчанию, которое набрасывает тень на нашу народную честь и низводит нас на степень бессловесных, некультурных племен, история которых делается другими»[42]. Подобные споры регулярно происходили на заседаниях бюро.

Политическое бюро вело разнообразную работу, но основной в его деятельности всё же оставалась борьба за интересы своего народа в стенах Государственной Думы. В этой борьбе они прежде всего рассчитывали на поддержку партии кадетов. Координация этих усилий легла на плечи М. М. Винавера. В то же время он обязан был проводить в бюро политику его собственной партии. В мае 1916 г. он уверял членов бюро в том, что «лично отстаивает» политику бюро в Центральном комитете партии и в ее думской фракции, хотя не скрывал и того, что его настойчивость не всегда адекватно воспринимается в партии[43].

Главная проблема, стоявшая перед депутатами и кадетами, входившими в Бюро, — как совместить еврейскую национальную деятельность с участием евреев-депутатов в работе кадетской фракции. В ответ на критику своих коллег по Бюро, обвинявших их в излишней зависимости от решений партии, депутат М. Б. Бомаш с горечью заявил: «Еврейские депутаты не имеют права вести самостоятельную политику»[44].

Первые сведения о начале антиеврейской кампании со стороны руководства армии застали членов бюро врасплох. Прошло всего несколько месяцев с того дня, когда патриотическому выступлению Н. М. Фридмана в Думе рукоплескали даже записные националисты. Естественно, что первым делом депутаты-евреи обратились за поддержкой к лидеру партии и фракции П. Н. Милюкову. Его ответ ошеломил посланцев бюро А. И. Браудо и Я. Г. Фрумкина. Милюков, по сути, отказал им в содействии со словами: «Мы не можем в военное время критиковать действия военных властей»[45]. В ответ на критику Милюков заявил, что своим поведением он «не хочет доставлять радости Берлину»[46]. В ответ публицист И. М. Бикерман не преминул заметить, что «то, что военные власти

[42] *Кельнер В. Е.* «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. СПб., 2008. С. 460–465.

[43] ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 15.

[44] Там же.

[45] Далеко не все руководители партии разделяли точку зрения Милюкова. На одном из многочисленных тогда собраний кадетской и около кадетской общественности, на квартире писателя Ф. К. Сологуба, на котором присутствовали и члены бюро, против Милюкова выступил даже такой сугубо национально настроенный человек, как бывший кадет П. Б. Струве (*Фрумкин Я. Г.* Указ. соч. С. 97–98).

[46] Там же. В то же время П. Н. Милюков опубликовал статью «Еврейский вопрос в России» в специальном сборнике «Щит», изданном под эгидой М. Горького, Л. Андреева и Ф. Сологуба в поддержку еврейского населения страны.

делают с евреями, в разных отношениях вредно для успеха войны... П. Н. Милюков не хочет доставить Берлину радость, но его тактика может не только принести Берлину радость, но и содействовать победе Берлина»[47].

Свое неудовлетворение такой позицией своего партийного руководства М. М. Винавер высказал в письме к председателю партии, ее старейшему и авторитетному деятелю, И. И. Петрункевичу. В феврале 1915 г. И. И. Петрункевич, пытаясь объяснить Винаверу игнорирование рядом видных деятелей партии известного Воззвания в защиту еврейского населения прифронтовой полосы[48], объяснял это тем, что рассматривает его как неуместный в тот момент акт политической борьбы. По его мнению, «враги еврейства, а может быть еще больше — враги реформ и сторонники реакции используют это воззвание как “желание создать смуту за спиной армии”. Можете ли Вы ожидать при таких условиях сколько-нибудь благоприятных последствий для Евреев? Я боюсь, напротив, обострения антисемитизма. Для победы над антисемитизмом нужны не случайные голоса, а голоса убежденные и искренние, умеющие находить путь к человеческой совести; тогда и язык воззвания будет не вымученный, а жгучий»[49].

Подобная постановка проблемы не удовлетворила Винавера, и он ответил своему соратнику по партии: «Я не так понимаю смысл воззвания, как Вы, и не так понимаю значение нашей тактической линии. Воззвание, на мой взгляд, является не актом политической борьбы с нынешним правительством — оно по замыслу стоит выше такой борьбы. Оно обращено к обществу и старается предупредить в нем разрастание антисемитской заразы, которая может не остановиться вовремя, явится тормозом на нашем пути, когда уже дано нам будет осуществлять наши политические идеалы в других сферах жизни. С другой стороны, оно может явиться — и, несомненно, явится — призывом к бодрости еврейского населения; при отсутствии правительственных обещаний, при усилении административных репрессий и перед лицом приводящего в полное отчаяние роста антисемитизма, укрепления в народе надежды на светлое будущее может только усилить его стойкость в защите родины. В этом смысле оно не только не ослабит, но укрепит столь необходимое нам “национальное единство”. Что касается нашей тактической линии, то мне кажется, что повседневное поведение наше и особенно поведение оппозиционной печати — в том числе и “Речи” конечно — свидетельствует о совершенной невозможности выдержать до конца политику умолчания о наших внутренних язвах»[50].

Подобное отношение к еврейской проблеме руководства партии и ее думской фракции не могло удовлетворить ни евреев-депутатов, ни Политическое

[47] Там же.

[48] *Кельнер В. Е.* Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 91–92.

[49] Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки. Ф. 332 (Каменецкий С. Л.). Ед. хр. 70.

[50] Там же.

бюро. С целью переубедить их бюро направило в ЦК партии и лично П. Н. Милюкову собранные Информационным подразделением документы, разоблачающие антисемитскую клеветническую кампанию. 6–8 июня 1915 г. состоялась конференция партии кадетов, в которой участвовали не только члены ЦК партии, но и члены фракции в Государственной Думе. Основной доклад по еврейскому вопросу, подготовленный Политическим Бюро, сделал Винавер. На основе огромного количества собранных Бюро материалов и документов было продемонстрировано прямое участие военных властей в развязывании антисемитской кампании в стране и на фронте[51]. На этой конференции была единогласно принята резолюция, осуждавшая развертывание в стране антисемитской кампании. Уже через несколько дней, 19 июля 1915 г., выступая в Думе, Милюков, в целом выразив протест против антиеврейской политики, правда, обвинил в ее проведении лишь некий «узкопартийный источник, прикрывающийся военными полномочиями»[52].

Всё же главным для бюро, точнее, наиболее видимой частью его деятельности была выработка думской тактики и подготовка выступлений в Государственной Думе. Еще в декабре 1914 г. при первых проявлениях антисемитской кампании в армии члены Бюро начали проявлять беспокойство складывающимся положением. По мере нарастания антиеврейской агитации, с началом массовых выселений евреев из прифронтовой полосы они усилили свое давление не только на лидеров кадетов, но и начали активную агитацию среди широких кругов русской общественности[53].

Депутатам-евреям в Думе приходилось работать в накаленной атмосфере. Каждое выступление депутатов с требованием ослабления антиеврейской политики приводило в ярость националистов типа Г. Г. Замысловского и Н. Е. Маркова-2-го.

Положение еврейских депутатов, действующих под плотной опекой Политического бюро, значительно осложнилось после вхождения партии кадетов в августе 1915 г. в Прогрессивный блок[54]. Это объединение «во имя победы» либералов с умеренными консерваторами и националистами было призвано корректировать политику властей в период всё более неудачно складывавшей-

[51] Доклад по еврейскому вопросу Центрального комитета Партии народной свободы конференции делегатов партии и членов фракции, состоявшейся 6–8 июня 1915 г. [Машинописный экземпляр.] Российская Национальная библиотека. Текст этого доклада был переведен на основные европейские языки и распространен в Великобритании, США и во Франции.

[52] Цит. по: *Фрумкин Я. Г.* Указ. соч. С. 99.

[53] *Кельнер В. Е.* Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны.

[54] Прогрессивный блок в 1915–1917 // Красный архив. 1933. Т. 1; *Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте 1907–1917 годы. СПб., 2009; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

ся для России войны. В этих условиях еврейская проблема становилась заложницей политической игры, как в рамках самой коалиции, так и в самой Думе. Отчетливо это проявилось еще при формировании блока. В отношении еврейского вопроса в пятом пункте его программы говорилось о необходимости «отмены ограничений в правах евреям, в частности, дальнейших шагов к отмене черты оседлости, облегчения доступа в учебные заведения и отмены стеснений в выборе профессий»[55]. В ответ на критику со стороны наиболее консервативной и националистической части Думы представители этого политического объединения указывали на то, что, наоборот, в программу блока не вошли многие положения программы партии кадетов, в том числе и требования равноправия для еврейского населения. Так, известный националист, публицист и политический деятель В. В. Шульгин, отвечая на упреки крайне правых, говорил о программе этого объединения: «Неверно и то, что в программе говорится о полном еврейском равноправии. Там говорится лишь о “вступлении на путь отмены ограничений в правах евреев”. Мы полагаем, что постоянное раздражение против наших сограждан, которые как-никак все-таки воюют вместе с нами, есть минус для победы, и стараемся это ослабить»[56]. Подобный снисходительный тон и оправдательная позиция руководителей блока не устраивала членов Политического бюро. Депутаты-евреи, будучи по партийной принадлежности кадетами, также «автоматически» вошли в Прогрессивный блок. Весьма умеренные требования блока в еврейском вопросе объяснялись стремлением кадетов достичь компромисса с националистами. Всё это не могло не отразиться на сверхосторожной тактике кадетов, а значит, и не привести к конфликту между руководством этой партии и Политическим бюро. Это ставило Винавера в весьма сложное положение. Ведь в его партии не было твердого единства по вопросу о постоянном «присутствии» в партийной политике еврейского вопроса. Наоборот, это мешало ведению «тонкой» дипломатической игры с другими членами Прогрессивного блока.

Винавер старался, чтобы при работе над законами и поправками учитывались все пожелания, сформулированные Политическим бюро, чтобы в стенах Думы «еврейская тема» звучала постоянно. По его мнению, так «еврейское население узнает, что оно не забыто — хотя бы эта поправка и внесена незначительной частью блока»[57].

Особенно наглядно эти противоречия проявились в обсуждении в Думе так называемых «циркуляров Кафафова». В январе 1916 г. директор Департамента полиции К. Д. Кафафов разослал губернаторам, начальникам областных и губернских жандармских управлений специальный циркуляр, в котором еврейское население обвинялось в экономической диверсии (организации нехватки

[55] Прогрессивный блок в 1915–1917 // Красный архив. 1933. Т. 1.

[56] Цит. по: Еврейская жизнь. 1916. № 13. 20 марта. Стб. 20–21.

[57] ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 16.

товаров первой необходимости, искусственном вздорожании продуктов, нехватке «звонкой монеты»). Это, по мнению составителя циркуляров, не только делалось для того чтобы вызвать общее недовольство и протест против властей, но и «объясняется стремлением их добиться отмены черты еврейской оседлости, так как настоящий момент они считают наиболее благоприятным для достижения своих целей...»[58]. Вскоре текст этих циркуляров оказался в распоряжении Политического бюро[59]. В Думе эти циркуляры огласил депутат Н. С. Чхеидзе, бывший представителем социал-демократического движения. От лица кадетской фракции выразили возмущение провокационным антисемитским характером документа В. А. Маклаков и Ф. И. Родичев[60]. Прогрессивный блок расценил это как повод для усиления критики правительства. Н. М. Фридман подал в президиум Думы заявление с требованием сделать соответствующий срочный запрос председателю Совета министров «по поводу незаконных действий властей по отношению к еврейскому населению»[61]. Вскоре вокруг этого запроса начались политические интриги[62]. В какой-то момент руководство кадетской фракции сочло, что появление «еврейского запроса» ей невыгодно, так как могло вызвать недовольство остальной части Прогрессивного блока.

После серии переговоров М. Х. Бомашем был внесен новый, «смягченный» запрос[63]. Но, ко всеобщему изумлению, его отказался подписать один из лидеров фракции В. А. Маклаков, а собиравшийся выступить в поддержку срочности этого запроса Н. М. Фридман путем процедурных ухищрений был лишен права внесения срочного запроса. Зато обычную антисемитскую вакханалию устроил черносотенец Г. Г. Замысловский. Разразился скандал. Часть депутатов покинула зал заседаний. После долгих споров и политического лавирования депутаты пришли к решению заслушать на заседании представителя правительства, а именно самого К. Д. Кафафова. Выступая в Думе, чиновник попытался успокоить депутатов заявлением о том, что циркуляр отменили еще до его вступления в силу[64]. Под давлением своих товарищей по партии и Прогрессивному блоку еврейские депутаты всё же были вынуждены снять этот запрос. Якобы их удовлетворил такой ответ правительства[65]. Однако поведение

[58] Из недавнего прошлого. Речи еврейских депутатов в Государственной Думе в годы войны / Вступ. ст. А. Д. Идельсона. Пг., 1917. С. 120–121.

[59] Я. Г. Фрумкин вспоминал о том, что, не решаясь переправить этот документ по почте, его привезли в Петроград связанные с бюро люди (*Фрумкин Я. Г.* Указ. соч. С. 103).

[60] Государственная Дума: 4-й созыв: Стенографический отчет. Пг., 1916. Стб. 1467–1468, 2769.

[61] Там же. Стб. 2187.

[62] *Ганелин Р. Ш.* Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. // Вестник еврейского университета в Москве. 1995. № 3 (10). С. 10–15.

[63] Государственная Дума: 4-й созыв: Стенографический отчет. Пг., 1916. Стб. 3025.

[64] *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 16–19.

[65] *Фрумкин Я. Г.* Указ. соч. С. 106.

кадетов и «прогрессистов» было воспринято многими членами Бюро как поражение, как демонстрация «еврейского одиночества» в Думе[66]. По воспоминаниям присутствовавшего на этом заседании Я. Г. Фрумкина, отказ от запроса «произвел на присутствовавших еще более тяжелое впечатление, чем непристойное выступление Замысловского»[67]. Еврейская общественность, традиционно уповавшая на солидарность передового либерального общества, была возмущена и не скрывала этого[68]. Самая острая полемика относительно сложившейся ситуации произошла на заседании Пленума Бюро 17 марта 1916 г. По мнению М. М. Винавера, главную роль в создавшейся ситуации сыграл председатель Думы октябрист М. В. Родзянко, «который стал пускать в ход угрозы и обещания... Затем пригласил к себе Милюкова и говорил с ним о том, что он принял бы меры к отмене циркуляра, если бы получил обещание, что запрос будет снят»[69]. На этом заседании обсуждалось несколько вариантов реакции на сложившееся положение: евреям-депутатам «публично отмежеваться от Блока, выйти из Кадетской фракции и образовать самостоятельную национальную фракцию... уйти из Блока, но остаться в кадетской фракции... убедить саму Кадетскую фракцию снять этот запрос»[70]. Одновременно предлагалось депутатам сделать заявление в прессе, о том, что «они вступили в Прогрессивный Блок механически, вместе с Кадетской фракцией, но, якобы, при этом они сделали еще тогда заявление о сохранении самостоятельности своих выступлений в связи с еврейским вопросом»[71]. В итоге предложение о выходе из Прогрессивного Блока не прошло. Но на этом дискуссия не завершилась. Тон на этом заседании задавали сионисты. Б. Д. Бруцкус в своем выступлении заявил: «Политическое Бюро приняло неверную тактику в своей деятельности. Когда оно постановило прекратить прения и воздействовать на кадетов... Раз запрос был поставлен, то какие бы то ни было шаги против него были уже невозможны. Евреи не имели права этого делать... Их долгом было вынести еврейский вопрос на трибуну. Клевета на евреев разносится по всей России и трибуна Государственной Думы для нас одно из лучших средств борьбы с нею. Если мы правы, то нам нечего бояться отрицательных вотумов. Мы обязаны были требовать от кадетов защитить запрос. Мы же пошли правокадетской тактикой, тактикой Милюкова... Говорят, нас ожидал провал запроса. Но впервые ли нам проваливаться вместе с оппозицией? То обстоятельство, что Блок потерпел бы [поражение] при постановке еврейского вопроса, нас не должно интересовать.

[66] *Ганелин Р. Г.* Указ. соч. С. 20.

[67] *Фрумкин Я. Г.* Указ. соч. С. 109.

[68] Это возмущение вылилось в большое число писем и резолюций. См.: О протестах // Еврейская неделя. 1916. № 18. Стб. 29–31.

[69] ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

[70] Там же. Л. 3.

[71] Там же.

Что же теперь получилось? Провал в квадрате... Еврейские депутаты признали удовлетворительным объяснение правительства. Это совершенно неслыханно. Среди лучших людей создалось мнение, что мы сняли запрос потому, что испугались невозможности доказать нашу правоту. Мы закрепили клевету за нами... Мы опозорены и должны думать о том, как выйти из создавшегося положения»[72]. Бруцкуса поддержал другой видный деятель российского сионизма, редактор газеты «Тогблат» И. Гринбаум. Видимо, только что вернувшись из Москвы, он заявил, что «филиал» Политического бюро в Москве считает, что «в Питере П. Б. боится выступить в Государственной Думе из-за возможности провала (подчеркнуто в тексте. — *В. К.*). Москва постановила требовать от депутатов-евреев выхода из Блока, ибо выход из Блока есть дело чести еврейского народа»[73]. Далее он сказал, что «в провинции давно уже сложилось мнение о том, что надо покончить с политикой трусости. Настало время громких и ясных слов. Надо иметь смелость уйти из кадетской фракции и образовать самостоятельную национальную фракцию»[74].

Решительно против подобной тактики выступил Г. Б. Слиозберг. По его мнению, снятие запроса не было провалом. А причину случившегося он видел в том, что еврейская общественность «пляшет на двух свадьбах». Так он охарактеризовал двойное «подчинение» евреев-депутатов, имея в виду национальный долг и партийную дисциплину членов кадетской фракции. Он назвал это «несчастным стечением обстоятельств». Многоопытный юрист и политический деятель, начинавший свой путь еще в эпоху штадлонута[75], Слиозберг говорил: «Еврейская политика есть часть общей политики, а общую политику нельзя целиком сворачивать с намеченного ею пути. Евреи связывают свою борьбу с общеполитической борьбой, и потому они должны бороться, оставаясь во фракции. Можно и должно ругаться с кадетами, но надо по-прежнему делать свое дело. Это будет не очень храбро, но политически благоразумно»[76].

Разброс мнений на этом заседании был велик как никогда. В. С. Мандель считал, что Политическое бюро продемонстрировало «наивность, когда решило, что придет Кафафов и сделает всё возможное, чтобы оправдаться, что Прогрессивный Блок будет поддерживать еврейский запрос». «Разве можно думать, — воскликнул он, имея в виду правых прогрессистов, — что Савенко, Шульгин и другие перестанут быть антисемитами?»[77]. Более того, Мандель назвал связь

[72] ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 5.

[73] Там же.

[74] Там же. В этих выступлениях сионистов отразилась старая полемика между ними и либералами, в первую очередь с Винавером по вопросу о создании в Думе собственной национальной фракции (*Кельнер В. Е.* «Их цели могут быть высоки, но они не наши цели» (М. М. Винавер — антисионист) // Judaika Petropolitana. 2013. № 1. С. 114–132).

[75] *Слиозберг Г. Б.* Дела минувших дней. Париж, 1934. Т. 1–3. Штадлонут — представительство перед властями со стороны еврейской общины.

[76] ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 7.

[77] Там же.

евреев-депутатов с Прогрессивным блоком «противоестественной», призвал не бояться выхода из него и даже разрыва с кадетами[78]. Юрист, историк и уже тогда известный публицист И. А. Клейнман во всех бедах обвинял кадетскую фракцию, которая, по его выражению, «пустилась на парадоксы военного времени». По его мнению, выход евреев из блока лишь «развяжет его правой части руки, ибо наличность евреев в блоке портит их отношения направо и налево». Но разрыв с кадетами он считал мерой преждевременной, хотя бы до того времени, пока «они не завершат борьбу со старым режимом, нам с ними по пути»[79].

На этом заседании сионисты продолжили свои нападки на либералов. Один из лидеров российского сионизма тех лет М. С. Алейников возложил всю ответственность за провал на «руководящую группу еврейских деятелей». Имея в виду М. М. Винавера, он сказал: «Максим Максимович указывал, что вина Политического Бюро в том, что оно не вело одной определенной политики». И далее он как бы констатировал: «Мы приняли ошибочную тактику. Мы решили, что нам необходимо связаться с какой-нибудь русской политической партией. Нам навязывали идею: только в чужой упряжке, только политическая несамостоятельность... Из-за нее мы в блоке... Вместо взгляда на Думу как на трибуну (так мы смотрели на III Думу), мы начали смотреть на IV Думу как на Думу, выражающую народную волю, начинаем бояться провала. Если бы было предложено, чтобы еврейские депутаты перешли из кадетской фракции во фракцию социал-демократов, я был бы против. Нечего ползти за другими, надо уйти в себя. Предложение уйти из Блока есть поворотный пункт нашей политики. Он возможен и во время войны»[80]. В то же время сторонник социалистического крыла сионистского движения, публицист И. Р. Ефройкин обвинил часть членов Бюро в том, что они рассматривают все вопросы текущей политической жизни «только как евреи и забывают всё остальное». Он говорил: «Вы отказываетесь от общеполитической борьбы. Где почва для независимой еврейской политики?» И далее уверял: «До тех пор, пока мы живем в чужом государстве, у нас не может быть независимой политики»[81].

За выход евреев-депутатов из Прогрессивного блока выступал и один из известнейших в то время русско-еврейских публицистов, И. М. Бикерман[82].

В известной степени итог дискуссии подвел председательствовавший на этом заседании М. М. Винавер. Его речь была направлена на то, чтобы в какой-то степени отрезвить «горячие головы» и вернуть членов Политического бюро в русло реальной политики. В своем выступлении он сказал: «Мы все согласны в том, что вынесение еврейского вопроса на трибуну Государственной Думы не может быть предметом демонстрации. Чрезвычайные условия

[78] Там же.

[79] Там же. Л. 8–9.

[80] Там же. Л. 9.

[81] Там же. Л. 11.

[82] Там же. Л. 12.

военного времени вызвали чрезвычайные обстоятельства для евреев. Родился навет. Он с колоссальной быстротой нарастает в обществе. Борьба с ним очень трудна, но никто от нее не отказывается. Внесен запрос о навете, потому что естественно было реагировать на случившееся. Рассчитывали, что Блок примет его. Блок заколебался только в тот момент, когда вопрос был переведен на шпионаж и участие военных властей. Для всех ясно, что говорить надо, но когда и при каких условиях? Борьба с наветом необыкновенно трудна... Речь шла о том, чтобы дать сражение теперь или при более благоприятной обстановке. Чтобы развернуть сражение, недостаточно трех еврейских депутатов и неподготовленных кадетов. Мы упустили из вида настроения наших депутатов и в этом наша ошибка. Дело приняло неожиданный поворот, и всё перевернулось вверх дном... Выход из Блока есть выход из фракции, на это имеются совершенно определенные данные». И далее Винавер, с определенной степенью сарказма, сказал: «Если бы я был в Государственной Думе один, то уходя из фракции, я образовал бы еврейскую национальную фракцию»[83]. Всё же он вынужден был признать, что его партия, интересы которой он постоянно отстаивал во всех еврейских структурах, вела себя в думской дискуссии не вполне последовательно. Но при этом Винавер постоянно подчеркивал — без участия кадетов он не видит путей решения еврейского вопроса. В том же выступлении он сказал: «Кадетская активность несомненно ослабла в военное время. Однако уход из фракции и из Блока для нас представляет большое зло. Помимо принципиальных соображений, он изъемлет нас из среды, где мы можем агитировать в благожелательной обстановке... Уход даст только минусы. Если бы кадетская партия совершила безумие только по отношению к евреям, тогда другое дело, но ведь это делается как общая политика, и в этот момент Вы хотите освободить кадетов от их обязанностей. Вся психология русского общества зашаталась. Нельзя оставить группу, на которую мы можем возлагать наши надежды. Надо идти тем же фронтом»[84].

В то же время на фоне политики Прогрессивного блока куда более радикальными и решительными являлись выступления в защиту российского еврейства со стороны социал-демократов и трудовиков. Особенно энергично действовал в этом направлении депутат-трудовик А. Ф. Керенский. Именно к нему и обратилось бюро с просьбой совершить специальную поездку в прифронтовую полосу и на месте разобраться с создавшимся положением[85]. В бюро справедливо рассудили, что свидетельство депутата не еврея будет гораздо весомее, чем очередной демарш одного из трех депутатов-евреев. Эту поездку в прифронтовую полосу он совершил совместно с писателем Н. В. Коробкой. Керенский после поездки в прифронтовую черту выступил с разоблачениями инспирирован-

[83] ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–13.

[84] Там же. Л. 13.

[85] Думается, что с А. Ф. Керенским бюро связывалось прежде всего при посредничестве его политического единомышленника Л. М. Брамсона.

ной военными властями шпиономании и антисемитской кампании. Бюро также инициировало поездку в те же районы народного социалиста, экономиста Н. П. Огановского, человека, также близкого к Трудовой фракции в Думе. В написанной по результатам этой поездки статье он продемонстрировал тот факт, что массовые выселения евреев привели к большим экономическим потерям и организационным неурядицам в тылу[86]. Все эти события привели к кризису в работе Политического бюро. Особенно яростной атаке его политика подверглась со стороны сионистов и левой печати.

Инцидент с «кафафовскими циркулярами» так ничему и не научил руководителей Прогрессивного блока. Они считали, что для достижения своих целей придется чем-нибудь пожертвовать. И, как это уже не раз бывало в истории, первой и наиболее «логичной» жертвой становилось равноправие евреев. Особенно ярко это проявилось в дебатах по крестьянскому вопросу. Политическое бюро потребовало от своих депутатов использовать эти дебаты для того, чтобы вновь поставить на повестку дня еврейский вопрос[87].

М. И. Шефтель при обсуждении на бюро роли евреев-депутатов в прохождении в Думе крестьянского закона настаивал на том, что этот «вопрос представляет важность, превосходящую важность фракций, блока, выхода из него и так далее. Этот вопрос надо обсудить с точки зрения будущего еврейского вопроса. Вопрос о борьбе — если бы не борьба, то еврейским депутатам нечего было бы делать в Думе. Мы должны не пропускать ни одного момента»[88]. Н. М. Фридман 7 июня 1916 г. при обсуждении крестьянского закона вновь не преминул выступить с критикой тактики Прогрессивного блока. Он сказал: «Евреи хорошо понимают, что если гражданскому равенству суждено пройти не сразу, то прежде всех должны быть раскрепощены крестьяне, но и крестьяне должны понять, что пока у нас будут граждане второго разряда, то и они не станут гражданами первого разряда. Среди граждан не должно быть никаких сортов и никаких разрядов»[89]. Однако В. В. Маклаков, бывший докладчиком по этому вопросу от Прогрессивного блока, заблокировал включение «еврейских поправок»[90]. Известный деятель партии кадетов, адвокат на процессе Бейлиса, теперь в Думе он из тактических соображений противился включению еврейского вопроса практически во все запросы. Эту политику он продолжал и при проведении крестьянского законодательства. Кадеты рассчитывали на то, что этот важный для них закон пройдет в Думе без особого сопротивления со стороны правых. Но Политическое бюро, согласно своей доктрине,

[86] *Огановский Н. П.* У евреев в Литве // Северные Записки. 1915. Т. 7/8. С. 172–191. В 1916 г. вышла в свет его книга: Враги ли евреи русскому народу (М., 1916).

[87] ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 20–25.

[88] Там же. Л. 25.

[89] Из недавнего прошлого... С. 42.

[90] *Будницкий О. В.* В. А. Маклаков и еврейский вопрос (Из истории русского либерализма) // Вестник еврейского университета. 1999. № 1 (19). С. 59.

рассчитывало через депутатов распространить закон о крестьянском равноправии и на еврейское население. Естественно, это должно было «взорвать» всю правую, националистическую часть Думы и грозило провалом всего законопроекта[91]. Но поддержанные Политическим бюро депутаты-евреи продолжали настаивать на своем. В сложившихся обстоятельствах были даже предприняты попытки переориентироваться «с кадетов» на трудовиков и крестьянских депутатов[92]. Выступая в Бюро, Н. М. Фридман предупредил о том, что «во фракции большинство против внесения еврейских поправок, так как законопроект совершенно не касается евреев, что законопроект крестьянский. Если же евреи внесут поправку, и вопрос перейдет в Блок, то большая часть Блока будет голосовать против, а кадеты, в лучшем случае, воздержатся от голосования»[93].

В ходе бурной дискуссии С. М. Дубнов заявил: «Считая судьбу поправки предрешенной, мы должны воспользоваться внесением поправки лишь как поводом для общей декларации по еврейскому вопросу»[94].

Винавер, подводя итоги дискуссии по использованию дебатов вокруг крестьянского закона, признавался в том, что возбуждал вопрос об этом в ЦК партии кадетов. Но в партии, признал он — «боятся реакции крестьянства»[95].

Винавер вновь и вновь выступал против радикальной политики, предлагаемой в первую очередь сионистами. «Нужно дать возможность бороться в партии, входящей в Блок» — заявлял он и призывал «создать единую еврейскую политику», а толерантность идеологов, по его мнению, «состоит в том, чтобы быть ближе к реальности»[96].

В мае 1916 г. в Красноярске произошел еврейский погром. До сих пор на территории Сибири погромов не было. Для того чтобы разобраться в сложившейся ситуации, на место выехал активный участник работы бюро юрист И. А. Клейнман. Он установил, что погром традиционно проходил при бездействии местных властей[97]. Вернувшись в Петербург, Клейнман информировал бюро об этих событиях, и бюро инициировало возбуждение запроса в Думе. По этому случаю в Думе выступил депутат Н. М. Фридман. Он не только на-

[91] Сам В. А. Маклаков писал позднее о том, что, по его мнению, опасность провала принятия этого столь важного документа «выходила не от противников, а от друзей, которые им хотели воспользоваться, чтобы под видом поправок протащить контрабандою новые нормы, ничем с рассматриваемым законом не связанные». Он даже подчеркивал, что «худший враг евреев не мог бы придумать более ложного, для самих евреев более вредного шага» (*Маклаков В. А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 365).

[92] ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 31. Была даже высказана мысль о том, что «кадеты стесняются выступать по еврейскому вопросу» (Там же. Л. 42).

[93] Там же. Л. 73.

[94] Там же. Л. 74.

[95] Там же. Л. 70.

[96] Там же. Л. 18.

[97] *Клейнман И. А.* Первый погром в Сибири // Еврейская летопись. Сб. 2. Л.–М., 1924. С. 130–133.

рисовал картину произошедшего, но и назвал имена руководителей администрации, виновных в бездействии по отношению к погромщикам[98]. Следует отметить, что военная цензура сразу же наложила запрет на любую информацию по этому событию. Заседание Думы было проведено в закрытом режиме. Всё же запрос был принят.

Летом 1916 г. резко обострились разногласия внутри Политического бюро. Сказывалось то, что в его состав входили представители самых различных политических направлений: от либералов до сионистов. М. М. Винаверу постоянно приходилось лавировать между своими однопартийцами и членами Политического бюро. Он всемерно старался отстаивать кадетскую «линию поведения» в еврейском вопросе. Это вызывало неприятие со стороны ряда членов бюро. Резко против проводимой Винавером политической линии выступали входившие в бюро представители сионистского движения[99]. Один из руководителей сионистского движения в России М. С. Алейников раз за разом призывал к тому, чтобы бюро преодолело «психологию блока» и не отказывалось из-за «тактических соображений и партийной дисциплины» ни от каких поправок. Другой видный сионист И. Гринбаум требовал, чтобы в Думе «еврейский вопрос был поставлен в целом! и даже, в случае отказа Кадетов — ставить этот вопрос самостоятельно»[100]. Депутат Думы М. Б. Бомаш с горечью констатировал свое положение как депутата-кадета: «Мы вступали в войну с большими надеждами, а теперь все боятся за свою шкуру. Я крайних левых убеждений, но в Думе я консерватор. Сиди и не рыпайся»[101].

Винавер вступил с ними в полемику. Он объяснял эти разногласия тем, что «столкнулись разные тактики... и вот получился печальный результат». Далее он задал собравшимся риторический вопрос: «Что значит выход из Блока? Евреи будут голосовать с социал-демократами, а не с кадетами?»[102]. Он настойчиво пытался убедить собравшихся в том, что евреи-депутаты, единственные в Думе представители своего народа, лишившись союзников в лице либеральной части депутатов, будут обречены на безгласие. Ведь настоящая законодательная сила находилась в руках Прогрессивного блока.

Особенно часто Винавер был вынужден полемизировать со своим старым оппонентом О. О. Грузенбергом[103]. Достаточно жесткой критике он подвергался со стороны И. М. Бикермана и Г. А. Ландау.

[98] Там же. С. 133. Исключение составил ротмистр Игнатов, который был ранен при попытке воспрепятствовать погромщикам.

[99] Возможно, в этом сказывалось и старая вражда между Винавером и лидерами российского сионизма, зародившаяся еще в начале века (*Кельнер В. Е.* «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели» (М. М. Винавер — антисионист) // Judaica Petropolitana. Иерусалим–СПб., 2013. № 1. С. 114–132).

[100] ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 15.

[101] Там же. Л. 87.

[102] Там же.

[103] *Фрумкин Я. Г.* Указ. соч. С. 87. О враждебном отношении к Винаверу со стороны Грузенберга вспоминал и А. Ф. Перельман (*Перельман А. Ф.* Воспоминания. СПб., 2008. С. 115).

Винавер, обеспокоенный разногласиями между бюро и его кадетской партией, пытался «воздействовать» на руководство своей партии. Он добивался от него большего участия и сочувствия в решении еврейского вопроса в Думе[104]. В ходе войны давление на общественное мнение страны со стороны еврейской интеллигенции постоянно возрастало[105]. В то же время настойчивость, с которой Политическое бюро и лично Винавер проводили свою линию, вызывали раздражение среди некоторых его партийных товарищей[106].

Известный сионистский публицист А.Д. Идельсон считал, что Россия в годы войны «очутилась перед таким подъемом антисемитской волны в массах, что даже либеральные элементы не считали для себя возможным бороться против еврейских наветов. Всё это, мол, относится к войне, а к явлениям войны нужно относиться бережно, хотя бы речь шла о благополучии и добром имени целого народа...»[107]

Всё же упорство, с которым действовало Политическое бюро, не прошло даром. Руководство кадетской партии и ее думской фракции постепенно начинало сознавать, что военное время не является препятствием для ликвидации

---

[104] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. Кн. 1: 1915–1917 гг. С. 146. Разногласия между частью еврейской общественности и руководством партии кадетов, несколько раз выливалось даже в публичные инциденты. Однажды Винаверу даже пришлось извиняться перед Милюковым по одному из таких случаев: «Дорогой Павел Николаевич, у меня в доме, в заседании, происходившем под моим председательством, произнесены были одним из ораторов по Вашему адресу слова: “Вы еще успеете отступить”, за которые я должен был бы перед Вами извинится. Не успел этого сделать тогда же по случайным причинам (между прочим, потому, что Вам пришлось уйти до конца речи оратора) — я считаю душевным долгом хоть теперь, в письменной форме, принести Вам мое глубокое искреннейшее извинение. Сердечно преданный М. В. 8 марта 1916 г.» (РНБ. Дом Плеханова. Ф. 482 (Милюков П.Н.). Д. 110. Письмо М.М. Винавера).

[105] *Кельнер В.* Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны.

[106] В.А. Маклаков вспоминал: «Я никогда не забуду одного интересного вечера в Петербурге, когда на квартире Винавера был, не помню по какому поводу, ужин и собеседование выдающихся евреев и заведомых русских не антисемитов. Я помню эту нетерпимость и требовательность еврейства, чтобы мы, русские-христиане, не смели предпочитать свою культуру и себя им. Кальманович, один из тех евреев, которого я глубоко любил и уважал, провоцировал меня говорить, хотя я не хотел, и я оказался тогда белой вороной в этом лагере, так как вполне разошелся и с Шингаревым, и с другими ораторами. Но когда мы с этого ужина ушли, многие молчавшие мне выражали сочувствие. Вот это другая позиция, другая психология, которую я тоже не перевариваю, хотя и могу понять ее психологию» (Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин: Переписка 1919–1939 гг. / Публ., вступ. ст. и прим. О.В. Будницкого. М., 2012. С. 372–373). И хотя эта встреча явно проходила не в годы войны, а скорее относилась к периоду так называемого «Чириковского инцидента» (*Кельнер В.* Русская интеллигенция и «еврейский вопрос» в начале XX в. (Антисемитизм. Юдофилия. Асемитизм) // Параллели. М., 2004. С. 73–86), всё же сама атмосфера столкновения русского либерального высокомерия с еврейской настойчивой требовательностью к ней передана здесь в полной мере. В условиях войны эти чувства с обеих сторон только обострились.

[107] *Идельсон А.* Тяжелое наследие (Вместо предисловия) // Из недавнего прошлого. Пг., 1917. С. 7–8.

черты оседлости. Наоборот, это стало одной из насущных задач по обновлению страны. В выступлениях в Думе и в печати П. Н. Милюков и некоторые другие кадеты всё чаще стали затрагивать проблемы решения еврейского вопроса.

Сразу же после победы Февральской революции министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский образовал специальную комиссию, которой было поручено разработать декрет о равноправии. В эту комиссию он ввел и члена Политического бюро Л. М. Брамсона. По свидетельству Я. Г. Фрумкина, в период работы этой комиссии бюро заседало беспрерывно. В ходе дискуссии было выработано принципиальное положение, согласно которому, отказавшись от специального Декрета о равноправии евреев, Бюро настояло на том, чтобы этот декрет отменял все существующие вероисповедные и национальные ограничения в России в целом[108]. 20 марта 1917 г. этот декрет был подписан.

Финальным аккордом деятельности Политического бюро стало посещение 24 марта 1917 г. членами этого объединения и евреями-депутатами Государственной Думы главы Временного правительства Г. Е. Львова[109]. Делегация выразила не только благодарность правительству за принятие этого судьбоносного декрета, но и заявила от имени Политического бюро и всего российского еврейства о поддержке новой власти[110].

References

Alekseeva I. V. Poslednee desâtiletie Rossijskoj Imperii: Duma, carizm i soûzniki Rossii po Antante 1907–1917 gody. SPb., 2009.

Altshuler M. Russia and Her Jews: The Impact of the 1914 War // Wiener Library Bulletin. 1973–1974. N 27. P. 30–31.

Âšunskij I. Rossijskoe evrejstvo i mirovaâ vojna. M., 1999.

Budnickij O. V. Evrei v russkoj armii v period Pervoj mirovoj vojny. Deinst in der Höhle des Löwen: Juden in der russischen Armee // Osteuropa. 2014. Vol. 64. N 2–4.

Budnickij O. V. Rossijskie evrei meždu krasnymi i belymi. M., 2005.

Budnickij O. V. V. A. Maklakov i evrejskij vopros (Iz istorii russkogo liberalizma) // Vestnik evrejskogo universiteta. 1999. № 1 (19). S. 42–94.

Dâkin B. C. Russkaâ buržuaziâ i carizm v gody pervoj mirovoj vojny (1914–1917). L., 1967.

Èstrajh G. Za nemcev ili za russkih? N'û-Jorkskij «Forverst» v Pervuû mirovuû vojnu // Arhiv evrejskoj istorii / Glav. red. O. V. Budnickij. M., 2011. T. 6. S. 123–137.

Ganelin R. Š. Evrejskij vopros vo vnutrennej politike Rossii v 1915 g. Evrejskij universitet v Moskve // 1997. № 1 (14). S. 41–65.

[108] *Фрумкин Я. Г.* Указ. соч. С. 111. Наученные горьким опытом своей истории, члены бюро настояли на том, чтобы в декрете были перечислены все подлежащие отмене антиеврейские законы (*Аронсон Г.* Еврейская общественность в России в 1917–1918 гг. (Материалы, документы, воспоминания) // Книга о русском еврействе: 1917–1967. Иерусалим–М., 2002 (Перепеч.: Минск, 2002). С. 11).

[109] Там же.

[110] *Аронсон Г.* Еврейская общественность в России в 1917–1918 гг. (Материалы, документы, воспоминания) // Книга о русском еврействе: 1917–1967. Иерусалим–М., 2002 (Перепеч.: Минск, 2002). С. 13.

Ganelin R.Š. Gosudarstvennaâ Duma i antisemitskie cirkulâry 1915–1916 gg. // Vestnik evrejskogo universiteta v Moskve. 1995. № 3 (10). C. 4–37.

Goldin S. Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. 2000. N 41/1. P. 21–37.

Ioffe G.Z. Vyselenie evreev iz prifrontovoj polosy v 1915 godu // Voprosy istorii. 2001. № 9. S. 43–57.

Johnson S. Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europeans Jewish Question. London, 2013.

Kel'ner V. E. «Ih celi mogut byt' vysoki, no oni — ne naši celi» (M. M. Vinaver — antisionist) // Judaica Petropolitana. Ierusalim–SPb., 2013. № 1. S. 114–132.

Kel'ner V. E. «Missioner istorii»: Žizn' i trudy S. M. Dubnova. SPb., 2008.

Kel'ner V.E. Evrejskij vopros i russkaâ obŝestvennaâ žizn' v gody Pervoj mirovoj vojny // Vestnik evrejskogo universiteta v Moskve. 1997. № 1 (14). S. 66–93.

Lohr E. 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Eds. Jonathan Dekel-Chen, David Gaunt, Natan M. Meir, Israel Bartal. Bloomington, 2011.

Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. N 60. P. 64–72.

Neilson K. Strategy and Supply. The Anglo-Russian Alliance, 1914–1917. London, 1984.

Nelipovič S. V poiskah vnutrennego vraga: Departacionnaâ politika Rossii // Pervaâ mirovaâ vojna i učastie v nej Rossii (1914–1918): Materialy naučnoj konferencii. M., 1997. Č. 1.

Prusin A.V. The Russian Military and the Jews in Galicia, 1914–1915 // Military and Society in Russia, 1450–1917 / Eds. Eric Lohr and Marshall Poe. Leiden–Boston, 2002.

Safran G. Wandering soul. The Dybbuk's Creator, S. An-sky. Cambridge–London, 2010.

Zipperstein S.J. The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First Word War // Studies in Contemporary Jewry: An Annual, IV: The Jews and the European Crisis, 1914–1921. New York, 1988.

Žuravleva V.I. Ponimanie Rossii v SŠA: Obrazy i mify: 1881–1914. M., 2012.

Список литературы

Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте 1907–1917 годы. СПб., 2009.

Будницкий О.В. Евреи в русской армии в период Первой мировой войны. Deinst in der Höhle des Löwen: Juden in der russischen Armee // Osteuropa. 2014. Vol. 64. N 2–4. P. 35–56.

Будницкий О.В. В. А. Маклаков и еврейский вопрос (Из истории русского либерализма) // Вестник еврейского университета. 1999. № 1 (19). S. 42–94.

Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми. М., 2005.

Ганелин Р.Ш. Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. // Вестник еврейского университета в Москве. 1995. № 3 (10). С. 4–37.

Ганелин Р.Ш. Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 41–65.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

Журавлева В.И. Понимание России в США: Образы и мифы: 1881–1914. М., 2012.

Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. S. 43–57.

Кельнер В.Е. «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели» (М.М. Винавер — антисионист) // Judaica Petropolitana. Иерусалим–СПб., 2013. № 1. С. 114–132.

Кельнер В.Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 66–93.

Кельнер В.Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С.М. Дубнова. СПб., 2008.

Нелипович С. В поисках внутреннего врага: Депортационная политика России // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918): Материалы научной конференции. М., 1997. Ч. 1.

Эстрайх Г. За немцев или за русских? Нью-Йоркский «Форверст» в Первую мировую войну // Архив еврейской истории / Глав. ред. О.В. Будницкий. М., 2011. Т. 6.

Яшунский И. Российское еврейство и мировая война. М., 1999.

Altshuler M. Russia and Her Jews: The Impact of the 1914 War // Wiener Library Bulletin. 1973–1974. N 2. P. 30–31.

Goldin S. Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. 2000. N 41/1. P. 21–37.

Johnson S. Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europeans Jewish Question. London, 2013.

Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. N 60. P. 64–72.

Lohr E. 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Eds. Jonathan Dekel-Chen, David Gaunt, Natan M. Meir, Israel Bartal. Bloomington, 2011.

Neilson K. Strategy and Supply. The Anglo-Russian Alliance, 1914–1917. London, 1984.

Prusin A.V. The Russian Military and the Jews in Galicia, 1914–1915 // Military and Society in Russia, 1450–1917 / Eds. Eric Lohr and Marshall Poe. Leiden; Boston, 2002. P. 238–256.

Safran G. Wandering soul. The Dybbuk's Creator, S. An-sky. Cambridge–London, 2010.

Zipperstein S.J. The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First Word War // Studies in Contemporary Jewry: An Annual, IV: The Jews and the European Crisis, 1914–1921. New York, 1988.